

Сталин, Рузвельт и Черчилль на переломе Второй мировой войны (осень 1942 – осень 1943 г.)

На расстоянии 60 лет от разгрома фашистской Германии особенно ясно видно, что решающим фактором победы стало единство «большой тройки» антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании, их лидеров – И.Сталина, Ф.Рузвельта, У.Черчилля. Это единство подвергалось серьезным испытаниям на протяжении всей войны, но особенно глубоким оно оказалось в период осени 1942 – осени 1943 г.

В октябре 1942 г. произошло внешне неожиданное и резкое ухудшение политико-психологического климата отношений Сталина и Черчилля. Во многом это было связано с асимметрией положения на театрах войны. Союзники, хотя испытывали серьезные трудности в борьбе с немецкими подлодками в Атлантике¹, завершали подготовку к перелому вооруженной борьбы на западе, и 23 октября началось наступление британских войск против армии Э.Роммеля в Египте. На востоке, напротив, именно в сентябре-октябре развернулась наиболее опасная фаза наступления немцев в районе Сталинграда и на Северном Кавказе².

Но главной причиной ухудшения отношений Москвы и Лондона стали размышления Черчилля в середине октября в узком кругу о той угрозе, которую несет «продвижение большевизма в Европу» в результате будущего разгрома Германии³. В Вашингтоне

* *Анатолий Гаврилович Чевтаев* – д-р ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

** *Михаил Александрович Фомин* – магистрант исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

¹ *Рузе Ф.* Война на море. М., 1957. С. 293–294.

² *Кларк А.* Путь к Сталинграду // От – Барбароссы» до – Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988. С. 187–188.

³ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. М., 1991. С. 509–547.

думали иначе: в меморандуме команды Рузвельта-Гопкинса в конце октября 1942 г. подчеркивалась необходимость «относиться к России как к одной из трех великих держав мира» не только в войне, но и после нее⁴.

Однако в Кремль попала информация из Лондона, а не из Вашингтона. Реакция Сталина не заставила себя ждать. 15 октября В. Молотов публично обвинил Черчилля в укрывательстве «военного преступника Р. Гесса» и потребовал «немедленного международного суда над ним». Еще более жестко высказался Сталин. В телеграмме И. Майскому 19 октября он писал: «Создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражении СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны», отметил «Гесса, которого Черчилль, видимо, держит про запас»⁵. И хотя Майский не одобрил его позицию («Сознательно Черчилль не ставит целью поражение СССР и сговор с Германией»), Сталин остался при своем мнении: «Поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет СССР является наиболее легкой формой войны Англии с Германией»⁶. К сожалению, эта ошибочная установка во многом определила характер и тональность отношений двух лидеров.

В Лондоне вначале обеспокоились поведением Москвы. Однако вскоре ситуация в отношениях «большой тройки» заметно улучшилась, особенно после успешного начала операции «Торч» и получения Черчиллем перехвата радиообмена немецких штабов (операция «Ультра») о выдыхании наступления вермахта на востоке. К тому же Сталин, возмущенный крайностью своей оценки поведения Черчилля, в докладе о 27-й годовщине Октября высоко оценил летний визит премьера в Москву, а затем весьма похвально отозвался о действиях союзников в Северной Африке⁷.

⁴ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 282–285.

⁵ *Hamilton J.D.* Motive for a Mission. The Story behind Hess's Flight to Britain. L., 1971. P. 156; *Советско-английские* отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1983. С. 294; *The Diaries of A. Cadogan*. L., 1971. P. 484–485.

⁶ *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. М., 2004. С. 376–378.

⁷ *Советско-английские* отношения... Т. 1. С. 301; *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники. 1941–1945 гг. Смоленск, 2000. С. 252–253; *Переписка* Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-минист-

Это, естественно, стало определенной предпосылкой более оптимистичного взгляда западных лидеров на перспективу своих отношений с Кремлем.

Решающим событием, определившим новую фазу их отношений, стало начавшееся 19 ноября контрнаступление советских войск под Сталинградом. 23 ноября замкнулось кольцо окружения вокруг 6-й армии Ф.Паулюса. Все три крупные операции (кроме Сталинграда, наступления Б.Монтгомери в Ливии и продвижения войск Д.Эйзенхауэра в Северной Африке) при всей разнице их значимости развивались успешно, и это создавало ощущение сближения позиций Вашингтона, Лондона и Москвы и возможности принятия крупных согласованных решений.

25–26 ноября состоялся обмен посланиями между западными лидерами. Рузвельт высказал мысль о проведении в ближайшие четыре-шесть недель совещания высоких военных представителей трех стран, чтобы согласовать основные стратегические замыслы на 1943 год и утвердить их на высшем уровне. Черчилль, поддержав новую постановку президента о втором фронте как составной части общекоалиционной стратегии «большой тройки», отметил неэффективность чисто военного совещания («русские сразу спросят, где и когда будет второй фронт?») Он предложил встречу на высшем уровне с участием военных советников и упомянул Исландию как возможное ее место⁸.

По некотором размышлении Рузвельт 2 декабря направил послания своим партнерам. Сталину он писал, что вместо совещания военных необходим саммит примерно 15–20 января 1943 г., чтобы «достигнуть предварительной договоренности относительно тех действий, которые должны быть предприняты в случае краха Германии». Президент ясно дал понять, что без согласования политической позиции союзников при вступлении в Европу и разгроме Германии невозможно «достичь важных стратегических решений, которые должны быть приняты всеми нами совместно в ближайшем будущем». «Если будет принято правильное решение, – писал президент, – мы сможем, и я думаю, что мы это сделаем, нанести Германии поражение в войне гораздо раньше, чем мы

рами Великобритании во время Великой Отечественной войны. Т. 1. М., 1957. С. 68–70; Т. 2. С. 32–37; *Секретная* переписка Рузвельта и Черчилля во время войны. М., 1995. С. 299–301, 303.

⁸ *Секретная* переписка... С. 329–330.

ожидали»⁹. Таким образом, Рузвельт еще раз подтвердил свою позицию: отныне судьба второго фронта зависит от выработки единой политической позиции «тройки» относительно поведения в Европе и разгрома Германии. К тому времени команда Рузвельта закончила разработку проблемы окончания боевых действий против агрессоров, и появился термин «безоговорочная капитуляция»¹⁰. Очевидно, что и этот вопрос президент хотел обсудить на встрече со своими партнерами.

Черчиллю президент сообщил, что он одобряет идею саммита и что в случае согласия Сталина (а оно вполне ожидалось) трое лидеров с небольшими группами советников могли бы встретиться 15 января в Хартуме или близ него (то же место было предложено и Сталину). Причем Рузвельт отметил, что в таком случае нет необходимости предварительной встречи западных делегаций, а тем более поездки Дж. Маршалла в Лондона («Не хочу создать у Сталина впечатление, что мы все решаем между собою до встречи с ним»). Однако премьер-министр, «с восхищением» одобрив согласие Вашингтона с идеей саммита, повторил свое предложение о предварительной встрече высших военных советников двух стран, чтобы иметь «какие-то планы в качестве основы для переговоров «тройки»». Иначе Сталин встретит нас вопросом: — Значит, у вас нет никакого плана открытия второго фронта в Европе, который вы обещали мне на 1943 год?»¹¹

Негативный ответ Сталина 6 декабря не смутил Рузвельта. 8 декабря в Москву ушло новое послание, где еще раз подчеркивалась прямая зависимость «жизненно важных стратегических решений» от «предварительной договоренности о действиях, которые мы должны заранее разработать... и предпринять, если и когда позволят условия Германии». Выразив понимание необходимости присутствия Сталина «вблизи фронта боевых действий», президент предложил провести встречу «тройки» примерно 1 марта 1943 г. Однако советский вождь и на этот раз отказался от нее¹².

Практически все отечественные и зарубежные исследователи объясняют отказ Сталина тем, что тот считал свою позицию «не-

⁹ *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 40–41.

¹⁰ *Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин*. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 102–103.

¹¹ *Секретная переписка...* С. 334–335; *Черчилль У.* Указ. соч. Т. 2. С. 595–596.

¹² *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 42–43.

достаточно сильной» перед лицом западных лидеров, либо опасался получить новый отказ относительно второй фронта в 1943 г.¹³ Последнее объяснение вполне резонно: Сталин действительно сомневался в выполнении этого обещания. Но у него имелось и более серьезное основание.

Анализ ответа Сталина обоим лидерам на вторичное приглашение позволяет утверждать, что подлинной причиной его отказа явилось принципиальное непринятие увязки сроков открытия второго фронта с вопросом согласования единой политической стратегии «тройки» в отношении Германии и Европы. Само участие советского вождя в предложенном саммите означало бы фактическое признание правомерности указанной увязки. Сталин говорил не без оснований, что вклад СССР в общую борьбу против фашистского блока настолько превосходит усилия Запада, что второй фронт должен быть открыт без всяких условий. Вот почему в обоих посланиях Сталин напомнил, что ждет выполнения обещания о высадке союзников во Франции весной 1943 г.¹⁴

Рузвельт действительно был разочарован позицией Сталина, поскольку откладывалось решение весьма важной проблемы, но также и в связи с потерей времени для установления личных контактов с ним. Черчилль скорее был доволен, так как он явно опасался возможности установления гораздо большего, чем раньше, взаимопонимания между Вашингтоном и Москвой в ущерб британскому видению перспектив борьбы.

Встреча западных лидеров состоялась 14–24 января 1943 г. в г. Касабланка (Марокко). Для отношений «тройки» наибольшее значение имели два решения этой конференции: принцип «безоговорочной капитуляции» фашистских держав и место второго фронта в стратегии Запада. Приняв как первоочередную на 1943 год стратегию вторжения в – мягкое подбрюшье крепости Европа» (Сицилия, Италия), западные лидеры фактически отложили высадку во Франции еще на год. Правда, больше по настоянию американской стороны союзники решили, что «если Германия будет

¹³ *Лебедева Н.С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров: Из истории Второй мировой войны. М., 1989. С. 70; *Уткин А.И.* Черчилль: Победитель двух войн. Смоленск, 1999. С. 463–464; *Уткин А.И.* Рузвельт. М., 2000. С. 341–342; *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: Конфликт интересов. М., 2000. С. 376–377.

¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 80; Т. 2. С. 43.

близка к окончательному краху весной-летом 1943 г.», вторжение на континент во Францию состоится летом этого года¹⁵.

В конце января – начале февраля 1943 г. Черчилль от имени обоих лидеров отправился на Ближний Восток и провел серьезную политико-дипломатическую акцию по вовлечению Турции в войну, преследуя далеко идущую цель: получить реальный шанс реализовать средиземноморскую стратегию Лондона и оккупировать балканские страны до прихода туда советских войск. Сталину не составило большого труда разгадать этот замысел, особенно в свете того, что в случае вступления Анкары в антигерманскую коалицию Турция могла бы опереться на поддержку Запада в своем давнем отказе предоставить Москве базы в проливах¹⁶.

В Кремле довольно быстро уяснили суть решений Касабланки, а когда Сталин буквально прижал своих партнеров к стенке (послания Черчиллю 16 февраля и Рузвельту 16 марта 1943 г.), они фактически признали, что «не будет второго фронта и в 43 году»¹⁷. Последней каплей, переполнившей чашу сталинского терпения, стало известие, что союзники, исходя из собственных нужд, решили приостановить северные конвои, возможно до сентября 1943 г., хотя и увеличить поставки по ленд-лизу по южному маршруту и через Тихий океан¹⁸.

Помимо вполне сознательно выбора, связанно с упомянутой «увязкой», Рузвельта и Черчилля подвела определенная самонадеянность. Ободренные успешным началом борьбы за Северную Африку, они, как это видно из дискуссии и решений Касабланки, положились на быстрое окончание североафриканской кампании и осуществление десанта в Сицилию в марте-апреле, а затем в Италию. Превратив успешную средиземноморскую стратегию во второй фронт де-факто, они надеялись убить двух зайцев: смяг-

¹⁵ Подробности дискуссий и решений см.: *Foreign Relations of the United States. The Conferences at Washington, 1941–42 and Casablanca, 1943.* Wash., 1968. P. 560–767. (Далее – FRUS); FRUS. 1943. Vol. 4. Wash., 1969. P. 1058–1064; *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 – сентябрь 1943 г. М., 1980. Гл. 13–14, прил. 3–5; *Мэтлофф М.* От Касабланки до – Оверлорда». М., 1964. Гл. 1.

¹⁶ См.: *Public Record Office. Foreign Office. Papers.* FO. 371/37516, 7, 12, 19. 24.02.1943.

¹⁷ *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 91–94; Т. 2. С. 56–59.

¹⁸ *Секретная переписка...* С. 372–373.

чить гнев Сталина, которому в этом случае трудно было бы протестовать против успешных операций, и одновременно создать предпосылку для реализации балканской стратегии. Однако эти расчеты оказались тщетными.

Поведение Рузвельта и Черчилля в феврале-марте 1943 г. только укрепило намерение Сталина вести самостоятельную линию в отношении Восточной Европы, а возможно и Германии. В феврале-апреле 1943 г. идет разработка или корректировка программ компартий стран Восточной Европы с ориентацией на завоевание власти в ходе будущего освобождения их территорий. Одновременно в СССР началась подготовка боевых частей из эмигрантов или пленных венгров, румын, чехов и словаков. Первыми в эту работу включились польские и чехословацкие коммунисты¹⁹.

В восточноевропейской стратегии Сталина центром тяжести был польский вопрос. Мало того, что лондонские поляки в начале 1943 г. резко усилили непризнание включения территории Восточной Польши в состав СССР. В январе-марте правительство В. Сикорского развернуло активные консультации с эмигрантскими кругами стран Восточной Европы с целью консолидации антисоветских позиций и недопущения к власти в этих странах промосковских элементов²⁰. Поэтому едва ли случайно «катынская бомба» взорвалась весной 1943 г. Очевидно, произошла целенаправленная утечка информации, позволившая немцам раскрыть эту большую тайну Кремля и обнаружить места захоронения уничтоженных польских офицеров. После отказа Международного красного креста участвовать в совместной экспертизе немцы провели собственное расследование и обвинили Москву в совершении этого хладнокровного убийства²¹. Лондонские поляки имели неосторожность просить МКК участвовать в расследовании этого дела и запросили Москву по поводу немецкой версии. Сталин грубо обвинил правительство Сикорского в «пособничестве Гитлеру» и полностью разорвал с

¹⁹ *Документы* и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 343–353; *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений*. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 265–266, 271, 282–288; Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х гг. М., 1985. С. 178–182.

²⁰ *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 378–379; Фейс Г. Указ. соч. С. 175–176.

²¹ *Парсдадова В. С., Яжборовская И. С.* Катынский синдром в советско-польских отношениях М., 2001. Гл. 1–3.

ним отношения. Одновременно он решительно отклонил все усилия Черчилля и Рузвельта не допустить этого разрыва (они вели речь о «временном приостановлении отношений») и по сути обвинил Лондон и Вашингтон в пособничестве «прогитлеровским крикунам»²².

За катынским эпизодом «большого кризиса» «большой тройки» последовало новая, самая острая, фаза этого кризиса. Ее можно назвать «трайденской» по кодовому названию очередной встречи Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне 12–27 мая 1943 г., на которой уже открытым текстом второй фронт был перенесен на весну 1944 г.²³ Западные лидеры постарались по возможности смягчить гнев своего партнера. Рузвельт даже направил в Москву «престижного курьера» – бывшего посла в СССР Дж. Дэвиса с предложением Сталину о неформальной встрече вдвоем летом 1943 г. на «любом берегу Берингова пролива». Любопытно, что советский вождь любезно принял Дэвиса и доброжелательно ответил Рузвельту о возможности их встречи в июле или августе 1943 г.²⁴

Возможно, Сталин еще питал какую-то надежду на проведение десанта через Ла-Манш в конце этого лета, к тому же в прессе и публике США и Великобритании после завершения 12 мая кампании в Северной Африке широко распространились настроения под лозунгом «Победа над Гитлером в 1943 г.!» Но подготовленное с немалым трудом в Вашингтоне и полученное в Москве 4 июня решение «Трайдента» поставило вещи на свои места. Отметим, что, хотя и запланированная на весну 1944 г. операция через Ла-Манш не получила в этих решениях явного приоритета, именно по настоянию Черчилля в конце послания прозвучала фраза: «Когда в каком-либо месте станут очевидными признаки слабости держав Оси, действительное наступление и угроза его будут легко и быстро превращены в успешные операции»²⁵.

«Трайденская фаза» большого кризиса достигла своего апогея. В своем ответе 11 июня Сталин резко осудил решение, которое может «иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода вой-

²² *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 119–127; Т. 2. С. 60–62.

²³ Подробнее см.: *Говард М.* Указ. соч. Гл. 16; *Мэтлофф М.* Указ. соч. Гл. 6.

²⁴ *Советско-американские* отношения во время Великой Отечественной войны 1941–45 гг. М., 1984. Т. 1. С. 315–316, 323–324.

²⁵ *Советско-американские* отношения... Т. 1. С. 327–329. См. также: *Фейс Г.* Указ. соч. С. 120–121.

ны». Когда же Черчилль попытался проявить строптивость и «отверг давление с Вашей (Сталина) стороны», советский вождь направил 24 июня в Лондон и Вашингтон новое послание. В нем он перечислил все обещания, начиная с июня 1942 г. по февраль 1943 г., об открытии второго фронта в указанные сроки, которые были отменены «без участия Советского Правительства и без какой либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне». Завершая это самое резкое за время переписки с западными лидерами послание, Сталин подчеркнул: «Дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям»²⁶.

Гнев Сталин в значительной мере определялся асинхронностью развития ситуаций на двух театрах войны. Союзники как бы отдыхали, праздновали свою победу в Северной Африке и не собирались в ближайшем будущем отягчать себя серьезными боями. На востоке же вермахт основательно готовился к решающей схватке за возвращение стратегической инициативы, и это несомненно беспокоило советского лидера.

Однако этими посланиями дело не ограничилось. Было принято решение отозвать советских послов из Лондона и Вашингтона «для консультаций». Наконец, самым ярким проявлением глубокого кризиса отношений «тройки» стал зондаж хозяина Кремля через агента в Стокгольме вопроса о возможности прекращения вооруженной борьбы на востоке Европы. Сталин выдвинул следующие условия: возвращение советско-германской границы 22 июня 1941 г., признание Берлином ближних к СССР стран Юго-Восточной Европы зоной безопасности СССР, частичная компенсация Германией разрушений на советской территории²⁷.

Конечно, проблема зондажа участниками войны намерений противника является весьма непостоянной, особенно когда речь идет о таких шагах Москвы. Западная историография считает это вполне естественным со стороны Кремля. Действительно, учитывая всю сложность ситуации для СССР в мае-июне (определенное опа-

²⁶ *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 164–167; Т. 2. С. 76–77.

²⁷ *Кимболл У.* Сталинград и дилемма американско-советских отношений // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / Пер. с нем. М., 1995. С. 360–370; *The Foreign Office and the Kremlin: Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945.* Cambr., 1984. P. 135–136.

сение за исход предстоящей кампании испытывали как в Москве, так и в западных столицах²⁸), а также двусмысленную позицию Запада в этот период, зондаж Кремля был просто необходим, и не столько в плане серьезной надежды на успех или на прояснение намерений противника, сколько в качестве средства «большой игры» в треугольнике Германия-СССР-Запад. Недаром сведения об этом зондаже довольно быстро попали к западным спецслужбам. Тем самым Сталин предупреждал Лондон и Вашингтон: помните август 1939 г.! Недаром, когда позднее близкий сотрудник Рузвельта Р. Шервуд читал записи Г. Гопкинса о периоде разногласий между тремя лидерами летом 1943 г., они напомнили ему обстановку перед подписанием пакта Молотовым и Риббентропом в августе 1939 г.: вновь возникла опасность русско-германского союза»²⁹.

Таково было состояние отношений «тройки», когда развернулась новая полоса успешных действий антигерманской коалиции. В середине июля Красная Армия, сорвав операцию «Цитадель», развернула мощное наступление, которое вывело ее к границе Украины и далее к Днепру. Оно развеяло все опасения за дальнейший ход борьбы на востоке и стало решающим фактором в расстановке сил внутри антигитлеровской коалиции. Одновременно войска западных союзников сравнительно легко овладели Сицилией. 25 июля итальянская армия совершила бескровный переворот, отстранив Муссолини и фашистскую партию от власти. В июле же завершился «коренной перелом» в битве за Атлантику. Военно-морские силы США и Великобритании практически подавили Кригсмарине и обеспечили надежную проводку конвоев союзников в северной и центральной части океана.

Эти успехи вызвали разноречивые последствия. Советское руководство, быть может в последней попытке заставить своих партнеров вступить во Францию в 1943 г., развернуло сильное пропагандистское давление на Лондон и Вашингтон, утверждая, что «нет никаких серьезных причин для откладывания вторжения через Ла-Манш». Напротив, Черчилль еще больше загорелся идеей

²⁸ См.: *Kahn M.* Measuring Stalin's Strength during Total War. US and British Intelligence on the Economic and Military Potential of the Soviet Union during the Second World War. Guteborg, 2004. P. 274, 280–282.

²⁹ *Фейс Г.* Указ. соч. С. 134; *Перепуска* Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 93–94; Т. 2. С. 58–59.

удара в «мягкое подбрюшье», мечтая не только о скорой высадке союзников вблизи Рима и продвижении на север, но и о вторжении на Балканы, чтобы «подать правую руку помощи тамошним патриотам»³⁰.

Такие настроения грозили не только осложнить, но даже сорвать будущие операции через Ла-Манш. Рузвельт и его советники на новой конференции в Квебеке 14-24 августа 1943 г. (операция «Квадрант») заняли твердую позицию и заставили англичан согласиться с тем, что высадка в Северной Франции (операция «Оверлорд») станет главным стратегическим замыслом двух стран весной 1944 г. и что командовать ею будет американский генерал³¹.

Между тем, Рузвельт и Черчилль в июле-августе 1943 г. несколько раз напомнили Сталину о его обещании встречи с ними, хотя едва ли надеялись на положительный ответ в это горячее время. Поведение советского вождя было более чем сдержанным. Демонстративные длительные задержки на важные послания из Лондона и Вашингтона, отказ принять посла У. Стэндли с важным поручением Рузвельта (отправил его к Молотову), решительное «нет» после шестинедельного молчания на предложение западных лидеров достичь временного соглашения с лондонскими поляками³².

Неожиданно Сталин в конце августа – начале сентября довольно быстро согласился на предложение Рузвельта и Черчилля провести в ближайшем будущем совещание министров иностранных дел «тройки», но подчеркнул необходимость «придать ему характер практической подготовки проектов основных решений для встречи на высшем уровне». При этом он настоял на его проведении в Москве в начале октября 1943 г. Партнеры согласились с обеими поправками³³. Вероятно, на такой поворот Сталина повлияли не только квебекские решения, но и сведения из окружения Рузвельта и Черчилля, что Вашингтон и Лондон готовы пойти навстречу Москве в ряде важных вопросов (принципиальное признание советских границ 22 июня, твердое противодействие Рузвельта балканским замыслам Черчилля и др.)

³⁰ *Фейс Г.* Указ. соч. С. 135–137.

³¹ *Мэтлофф М.* Указ. соч. Гл. 10; Edmonds R. Big Three. Roosevelt. Churchill. Stalin. L., 1990. P. 330–332.

³² *Фейс Г.* Указ. соч. С. 179.

³³ *Переписка* Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 157, 160–161; Т. 2. С. 76–77, 82, 84, 87, 89.

Сентябрьский обмен письмами, казалось, говорил о преодолении кризиса трех, тем более что лидеры достигли взаимопонимания в отношении выхода Италии из войны, в результате чего вместо безоговорочной капитуляции последняя получила статус «совоюющей страны»³⁴. Однако в то же время появилась новая волна слухов о контактах Москвы и Берлина. Один из них (контакт советского агента с немецким все в том же Стокгольме в середине сентября 1943 г.) западные спецслужбы определили как реально состоявшийся. Условия Кремля оказались более жесткими: границы России и Германской империи на 1 августа 1914 г., признание всей Юго-Восточной Европы «сферой интересов» Москвы, компенсация немцами основной массы разрушений в СССР³⁵.

На первый взгляд, это кажется повторением предыдущего шага Сталина, особенно если иметь ввиду «большую игру» между Берлином и Западом. Однако некоторые обстоятельства указывают на более серьезные расчеты Кремля. Есть данные о том, что он допускал радикальную «смену пейзажа» на советско-германском фронте, т.е. прекращение военных действий. Правда, это могло быть не в форме соглашения с Гитлером, который не ответил на указанный пробный шар, а через военный переворот с включением в него Национального комитета «Свободная Германия». Косвенным положением такого рода расчетов стал перенос совещания В.Молотова, К.Хэлла и А.Идена с 4 на 19 октября 1943 г.

Исчерпав свою «берлинскую карту», Сталин сделал ставку на достижение принципиального политико-стратегического соглашения с Западом. Московская конференция 19–30 октября 1943 г. оказалась весьма продуктивной. Вашингтон и Лондон подтвердили, что «Оверлорд» остается их главным стратегическим замыслом на 1944 г. Была одобрена идея создания Европейской консультативной комиссии для обсуждения неотложных вопросов по мере освобождения стран от нацистской оккупации. Проект «Декларации четырех государств по вопросу всеобщей безопасности» подтверждал принцип полного разгрома и безоговорочной капитуляции Германии и Японии и провозглашал «необходимость создания всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности»³⁶. Эта конференция стала важным шагом в

³⁴ Фейс Г. Указ. соч. С. 141–166.

³⁵ *The Foreign Office and the Kremlin...* P. 243–246; *Kahn M.* Op. cit. P. 297.

³⁶ *Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, 19–30 октября 1943 г.: Сборник документов.* М., 1978; *Мэтлофф М.* Указ. соч. С. 362–371.

разработке основы программы взаимопонимания лидеров «большой тройки» на заключительных этапах войны.

Тегеранская встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля 28 ноября – 1 декабря 1943 г. подтвердила и углубила проекты решений министров иностранных дел. Сталин и Рузвельт заставили Черчилля смириться с твердым намерением открыть второй фронт в мае 1944 г. Западные лидеры впервые признали правомерность требований Сталина о советских границах 22 июня 1941 г. «Большая тройка» признала несостоятельным «балканский вариант» и тем самым согласилась, что Восточная и Юго-Восточная Европа будет освобождаться советскими войсками³⁷.

Сталин тоже пошел навстречу своим партнерам. Он принял западный, главным образом американский, вариант «Декларации четырех держав», поддержал уже известную идею Рузвельта о согласовании правил поведения трех держав при освобождении оккупированных стран (Европейская консультативная комиссия), согласился поднять статус Китая до уровня «тройки» в рамках будущей международной организации безопасности. Наконец, он подтвердил доверительно высказанное Хэллу в Москве обещание вступить в войну с Японией после капитуляции Германии.

Таким образом, в Тегеране «большая тройка» преодолела в целом длившийся целый год «большой кризис», сформулировала политическую концепцию завершения Второй мировой войны и определила задачи, которые предстояло решить союзникам для ее реализации. Это был общий успех «большой тройки» и всей антифашистской коалиции.

Итак, проведенный анализ развития и завершения указанного кризиса позволяет сделать следующие выводы. На протяжении хода Второй мировой войны с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. Сталин боролся с моделью «сговора» Запада (или Лондона) с Германией. Советский вождь представлял его примерно так. Вермахт, не сумев победить Красную Армию в боях 1941–1942 гг., изматывает ее в последующих сражениях. Войска западных держав, ведя борьбу на периферийных театрах военных действий, по существу помогают Гитлеру в его усилиях. Если вермахт не решит

³⁷ Подробнее о дискуссиях и решениях этой встречи см.: *Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании 28 ноября – 1 декабря 1943 г.* М., 1984; *Фейс Г.* Указ. соч. С. 216–254.

проблему обескровливания обоих глубинных врагов демократии и возникнет угроза крушения Третьего рейха с перспективой вступления советских войск в Европу, немцы открывают англо-американским силам дорогу на Берлин.

В течение этого времени (с 22 июня 1941 г. по декабрь 1943 г.) советский вождь упорно сражался с этой мифической моделью. Средства борьбы были различными. В начале (несколько дней, даже может быть несколько часов 22 июня 1941 г.) была надежда разгромить вермахт собственными силами и как можно быстрее. Хорошо известно, что из этого вышло. Затем вступает в дело требование к Западу как можно раньше открыть второй фронт. Не подкрепленное здоровыми политическими условиями, особенно зимой 1942–1943 гг., оно оказалось несостоятельным.

Понимая безрезультатность этого средства сорвать угрозу «сговора», Кремль стал угрожать Западу возможностью поражения СССР. Однако и это не сработало даже летом–осенью 1941 г., а тем более после победы под Сталинградом. Затем Москва стала пугать своих партнеров возможностью сепаратного соглашения с Берлином. Запад выдержал и это политико-психологическое давление даже в ситуации лета–осени 1943 г., когда такое соглашение, достаточно выгодное Сталину, было наиболее вероятным в течение всего периода 1941–1943 гг.

И тогда у Сталина осталось единственное средство преодолеть модель «сговора»: достичь политико-стратегического соглашения (если хотите – сговора) с Западом на взаимоприемлемых условиях, от которого он отказывался в течение декабря 1942 – октября 1943 гг. И оно было реализовано. Если сравнить сталинские «условия» сепаратного соглашения с Гитлером в июне–сентябре 1943 гг. и возможности, которые открылись перед Москвой по решениям Тегерана, мы увидим их близость, почти совпадение. И оно не случайно. Это свидетельство колоссального геостратегического и политико-идеологического устремления советского режима. Для него в принципе было не так уж важно, кто раньше примет требования Кремля – Берлин или Запад. Последний оказался дальновиднее, точнее – реалистичнее мыслящим. Это и определило конкретный политико-стратегический контур Победы весной 1945 г. Впрочем, Сталин и позже не исключал возможность разрыва Западом соглашения с Москвой и его возвращения к модели «сговора» с Германией.